

Это случилось четыре года назад, на следующий год после того, как тебя упекли. Мы провернули одно выгодное, но очень шумное дельце в Форт-Коллинсе, Колорадо. Деньжат прихватили немеряно, вот только погоня за нами была, мама не горюй. Удирали мы так спешно и отчаянно, что не заметили, как въехали на территорию индейцев. Уж можешь представить, как мы подпустили в штаны. Попали, что называется, из огня да в полымя. Законники, кстати, оказались смышленнее (или трусливее, сложно порой отличить одно от другого) и заблаговременно дали полный назад. Ну, делать нечего, начали мы блукать в лесу, шараясь от каждого шороха. Час прошел, другой. Мы уж подумали, что пронесло, как вдруг появились они. Кажется, это были команчи, не знаю, почему мы так решили. Начали лезть натурально отовсюду, из всех щелей, из-за каждого дерева. У кого луки, у кого и ружья. Ну, думаем, тут-то нам и кирдык. Собрав яйца в кулак, решили мы запродать себя подороже, и давай хвататься за пушки. Как тут из толпы выходит индеец, важный такой, что твой павлин, и перьев в башке, как у того в заднице. Руки поднимает и заявляет, мол, мы пришли с миром, или что-то вроде того. На корявом, режущем слух, но все же английском. И, значит, берет и предлагает нам стать их гостями, приглашает в их поселение. Мы, конечно, подохренели неслабо, но отказываться было несколько неразумно. Ну, мы и согласились, посудив, что если б нас хотели прикончить, сделали б это сразу. Наверное. Оружие, впрочем, у нас отобрали. Лагерь их, должен тебе сказать, Калев, нас по-настоящему впечатлил. Десятки вигвамов, сотни людей, мужчины, женщины, старики, дети. Стоял жуткий галдеж и суета, как на базаре. Зажигались костры, так как уже темнело, и на них же жарились олени, лоси и прочая живность. Мы, к слову, здорово оголодали за весь день, поэтому приглашение на ужин восприняли с восторгом. Насколько я понял, нас посадили с верхушкой их племени: всякие там вожди, военачальники, шаманы, ну ты понял. Переводчиком служил все тот же англоязычный павлин. Довольно-таки утомительная это вещь — межъязыковое общение. Как будто в шахматы по переписке играли. Пока ели, поглядывали по сторонам. Местные смотрели на нас не сказать чтобы с неприязнью, но и без особой симпатии. Оно и понятно, согласен? Странное это было чувство, скажу я тебе, Калев, — сидеть в окружении наших извечных врагов и жрать с ними с одного вертела. А оленинка-то была отменная!... Мм... Так, о чем это я? А, вспомнил.

В общем, мы вкусно поели, вкусно попили, вкусно, хоть и через одно место, поговорили. Но при этом прекрасно понимали, что нас не за красивые глаза и белую кожу пригласили погостить. Так что Матиас, тщательно подбирая слова, поинтересовался, дескать, чем обязаны такому приему? Индеец вилять не стал и прямо заявил: «Хотим торговать с вами. У нас есть кое-что на обмен». Это я, конечно, уже своими словами передаю. Начинало становиться интересно: что это у них есть, и что они хотят получить, раз им приходится с «бледнолицыми» якшаться. Ну, говорим, мол, показывайте. Англоязычный с еще парой индейцев, значит, берут факела и начинают вести нас куда-то далеко, аж на край лагеря. Зачем факела, мы поняли уже на месте, потому как туда свет костров уже не доставал, и было темно, как у негра в заднице. Кстати, про задницу очень точно сказано: присмотревшись, я понял, что они сюда гадить ходят. Это, думаю, что ж за товар нам хотят предложить, раз в свою сральню приводят? А англоязычный... Короче, я буду называть его «Павлином». Так

вот, Павлин говорит «пришли» и показывает на землю в нескольких метрах от нас. Мы подошли, подсветили факелами. Видим деревце, к деревцу привязана веревка, второй ее конец уходит под лежащий тут же штабель связанных между собой бревен. Покумекав маленько, до нас дошло, что это люк, хоть и несколько допотопный. Чтоб его сдвинуть, Калэб, потребовалось три человека. А потом мы посветили вниз. И охренели.

Под люком оказалась яма где-то полтора на метр и метр глубиной. Ровенькая, но ничем не обитая и не укрепленная, с лужами на дне. В одном углу валялись какие-то объедки, вроде зачерствелого хлеба и обглоданных костей, в другом... кхм... продукты жизнедеятельности. А в третьем углу сидел человек. Да, Калэб, я вижу, ты уже все понял. Об этом человеке сложно было что-то сказать. Сидел он, подтянув ноги к груди, вот так, обхватив колени и спрятав в них лицо. Сидел без всякого движения. Возможно, спал. А Павлин возьми да дерни за веревку, что в яму спускалась. А, я забыл сказать: второй ее конец был затянута на шее этого человека, и затянута довольно-таки туго. Так вот, от этого рывка человек чуть не растянулся на земле. Тут-то мы и рассмотрели его. Это оказалась женщина... А, да что я хожу вокруг да около! Это была Беатрис! Да, Калэб, Беатрис была в индейском лагере, в затхлой яме, на привязи, сидела буквально в собственном дерьме. Не смотри на меня волком, я сам был возмущен. Она являла собой жалкое зрелище. Босая, одетая в какой-то холщевый мешок с дырками для головы и рук. Волосы спутанные и грязные, по-мальчишески короткие, как мне показалось, их от балды обкорнали тупым ножом. Глаза ввалившиеся, с темными кругами вокруг. Подошва черная, под ногтями на руках и ногах грязь. Сама вся тощая, костлявая, с заживающими рубцами в некоторых местах. А взгляд пустой, стеклянный какой-то. Без преувеличения заявляю: мое сердце сдавило от жалости.

Матиас вполне резонно попросил объяснить, что, мать их за ногу, все это означает. Разумеется, первое, что приходило в голову, — перед нами рабыня. А рабство, как мы все прекрасно помним, давно отменили. Павлин начал загонять нам какую-то околорелигиозную муть, постоянно применяя термины из своего языка. Чтобы сэкономить тебе и себе время, постараюсь ужать его объяснения. Короче, поймали они Беатрис давно, не уточнил, когда. Пока совладали с ней, она успела прикончить шестерых. Голыми руками. Вроде как она была почти невменяема. Индейцы смекнули, что в ней есть огромный потенциал, который они смогут раскрыть, поэтому и не уработали ее на месте. По словам Павлина, она была сильна, ловка, гибка, виртуозно управлялась с любым оружием, будь то холодное или огнестрел. «Но как они ее подчинили?», спросишь ты. Довольно гаденько, отвечу я. С помощью наркотиков. Они накуривали ее какими-то своими дурманящими травами, от этого ее мозги становились мягкими и податливыми, как гончарная глина. И они лепили из этой глины то, что хотели. В результате она стала полностью послушной, ручной, иначе и не скажешь. Теперь ты понимаешь, почему она никогда не пьет спиртного, почему отказалась тогда от наркоза? Она боится любых веществ, вызывающих помутнение сознания. Опьянения ей хватило на всю жизнь.

Пока Павлин все это рассказывал, она стояла на коленях в яме, вперившись в землю под собой. Стояла как столб, как предмет интерьера, никак не реагируя на слова касательно себя. Тебе, наверное, сложно представить себе такую Беатрис? Как ни печально, так все и было. Но ты слушай, что было дальше. Павлин заявляет, что сейчас они проведут для нас небольшую демонстрацию. Отвязал веревку от дерева и за нее вытащил Беатрис из ямы. Судя по тому, как нетвердо она стояла, внизу она провела очень много времени. Затем мы все пошли в

другую часть лагеря. И если к нам, гостям, как я уже говорил, индейцы относились нейтрально, то Беатрис они просто смешивали с грязью. Хаяли ее, на чем свет стоит, плевали в нее, кидались всяким хламом, кто-то даже пинал. Они ее по-настоящему презирали и ненавидели. Позже мы узнали, почему.

Так вот, мы пришли к еще одной яме, только круглой и не такой глубокой, метров десять в диаметре. Как выяснилось, это было что-то вроде арены. Павлин отвязал веревку (под ней кожа была стерта почти в кровь), столкнул Беатрис вниз и кинул ей маленький кремневый ножичек. Сейчас, говорит, мы приведем пленных сиу. Если они ее одолеют, то получат свободу. Мы были, мягко говоря, в шоке. Эта женщина истощена, изранена, едва стоит на ногах, впившись пальцами в этот смехотворный ножичек. На что они рассчитывают? Но сделать мы, конечно, мало что могли, поэтому просто уселись на предложенные места. Зрителей уже набралось порядком, даже дети были. Я тогда еще, помню, подумал: интересно, за кого они болеют? Сиу привели буквально через пару минут. Их было шестеро. Символично, правда? Все, как на подбор, накаченные, воинственные, с квадратными харями, — вообще непонятно, как в плен попали. У кого были томагавки, у кого — копья, и, черт меня дерь, я уверен, они умели с ними управляться. Но как ты, вероятно, догадываешься, что-то пошло не по плану. Вышли они на арену один за другим и взяли Беатрис в широкое кольцо. Начали выкрикивать боевые кличи, улюлюкать, трясти над головами оружием. В общем, пугали, как могли. А она знай себе стоит в центре со своей зубочисткой и смотрит в землю. Возможно, для сиу было ниже их достоинства нападать на это посмешище всем скопом. Поэтому ринулся на нее только один, с копьем. И вот тогда-то, друг мой, тогда-то в ее глазах загорелся огонь. Уверен, ты понимаешь, о чем я. В самый последний момент она ушла от выпада изящным вывертом, и на выходе из кручения рубанула пролетевшего индейца, что называется, от плеча до задницы. Тот сразу и рухнул, брызжа кровью. Публика загалдела, хрен пойми только, от восторга или от негодования. Пока сиу справедливо офигевали от такого фортеля, одному прилетело копьё, отбросив на край арены. Наконец до них дошло, насколько все серьезно, и они набросились разом. Один сделал выпад копьем. И знаешь, что? Она просто отвела древко в сторону своим ножом, и наконечник вошел в пузо другому нападающему. Третий метнул в нее томагавк, но она вовремя схватила неудавшегося копейщика и закрылась им, как щитом. Топорище конкретно засело у него в спине, с летальным исходом, разумеется. После этого Беатрис бросила его, как мусор, и двинулась на незадачливого метателя. Тот заревел, разбежался и обрушил на нее кулак. Ну, попытался, если быть точным. Глупый, глупый индеец: она просто поднырнула под его руку и прям из полуприсяда нанесла точечный удар в шею. Очередной сиу отправился к предкам. Что до последнего, шестого, он выбрался из ямы и бросился наутек, в темноту. Как я понимаю, команчи позволили ему это сделать, и вот для чего. Павлин кинул Беатрис один из наших револьверов, не помню, чей. Она поймала его на лету, развернулась и выстрелила вслед убегающему. В темноту, Калёб! Стоит ли говорить, что она даже не целилась? И тем не менее, через минуту этого сиу притащили назад, с дыркой в затылке. Вот такая вот выдалась демонстрация, такая, что у нас челюсти чуть не поотпадали. Как все закончилось, толпа начала расходиться, оживленно болтая. Ещё б, такая потеха была! Но если ты подумал, что странности закончились, то сильно ошибся. Пока наша худорбинушка с горем пополам, без посторонней помощи вылезала из ямы, Павлин заявил, мол, это была демонстрация силы, а сейчас будет демонстрация абсолютной покорности. Ох, не понравилось мне тогда, как это прозвучало. И не зря. Взяв из раболепно протянутого ею

оружия только револьвер, он коротко и лаконично бросил: «Ноготь». И прежде, чем мы успели хоть что-нибудь понять, она загнала острие ножики себе под ноготь безымянного пальца и выдрала его с мясом. Эй, эй, Калев, не стискивай так бутылку! Она того и гляди лопнет, поранишься же! Вот... В общем, плохо сдерживая рыдания и дрожь от боли, она, однако, торжественно вручила этому маньяку и ноготь, и нож. Потом ей опять нацепили «поводок» и, спотыкающуюся, увели прочь. Вероятно, обратно в ее яму. Брр, как вспомню, аж дрожь пробирает...

И вот тут-то мы подходим к главному: Павлин наконец озвучил условия сделки. Мы получаем эту... Черт, как же он ее назвал? Не помню, но как-то предельно унижительно и вульгарно. Так вот, мы получаем Беатрис, всю такую расчудесную, смертоносную и преданную, как собачка, а взамен даем... Крепко сидишь? Взамен даем сотню ружей и патроны к ним. Гребаную сотню! Зачем? Для войны с враждебным племенем сиу, как нам сказали. А зачем вам, спрашиваем, сотня ружей, если у вас есть управляемая машина смерти? Его ответ прояснил отвратительное отношение местных к Беатрис. «В ней живет злой дух», говорит, «так сказали наши шаманы. Нам не нужен злой дух. Мы отдадим его вам, бледнолицым». Ну, мы, бледнолицые, по его словам, все равно не шибко суеверные. Что есть, то есть. Нам дали время подумать до утра и отправили спать. Каждому даже личный вигвам достался.

Не знаю, как там дела были у остальных, а мне не спалось. Уж больно насыщенный денек выдался. И эта сделка... Во-первых, сотня ружей. Где мы, едрить-колотить, их столько достанем?! Во-вторых, нам ведь, по факту, предлагали купить рабыню. А что мы вообще будем с ней делать? Выставлять на боях без правил? Грабить вместе с ней банки? Еще один способ, уж извини, ее «применения» нам поспешили подкинуть. Точнее, мне. Сложно описать ту оторопь, что взяла меня, когда посреди ночи ко мне в вигвам наведальась Беатрис. У нее была лампадка с жиром, так что света хватало. И знаешь, ее вид немного улучшился, в основном за счет того, что ее основательно прополоскали в каком-то речушке или вроде того. Вонючий мешок заменили на длинную рубаху из шкур. Еще заметил, что безымянный палец был замотан лоскутами ткани. Так, с описанием закончил. Теперь о причине визита... Хотя знаешь, думаю, это тебе точно не захочется слушать. Что? Серьезно? Ну, как знаешь. В общем, она, сидя на коленях и опустив голову, сказала, что «хозяин прислал ее в качестве подношения». Как я понял, с целью убедить в привлекательности сделки. Да, она назвала того Павлина «Хозяином». И, кстати, это были ее первые слова за весь вечер. Ну, я, как-никак, не маленький мальчик, сразу смекнул, о каком «подношении» идет речь. Да только вот, хоть елдень моя и выражала согласие, самому мне было как-то неловко. Думал, если воспользуюсь бедственным положением этой несчастной женщины, то сам себя мудаком считать буду. Начал, значит, мягко отказываться, лепить всяческие идиотские отмазки, и вообще, мол, не я тут начальник. Но она настаивала, что Хозяин отправил ее именно ко мне, и если я ее просто выпровожу за дверь (ну или как там в вигвамах эта хрень называется), то ей будет очень-очень плохо. Была у меня мыслишка, что хитрожопый индеец заметил, с какой жалостью я смотрел на нее, и поэтому решил, что меня убедить будет легче всего. Ну, что ж, возможно, он оказался прав. Возможно, если бы она тогда посетила кого другого, ее бы сейчас здесь не было. И тебя, соответственно, тоже. Кто знает, Калев, быть может, именно мой член проложил путь к твоей свободе. Ай! Не дерись! Это всего лишь невинная шутка. Ну ты и злюка.

В общем, стало ясно, что от моих капризов будет больше вреда, чем пользы. И... я занялся с ней сексом. Но делал это с исключительно благородными намерениями! Как рыцарь, спасающий принцессу из башни, только несколько нетрадиционным путем. Ладно, ладно, завязываю с шутками. Так вот, когда Беатрис поняла, что я принимаю это... «подношение», то не могла скрыть облегчения. Уж боюсь представить, что ей грозило. Без всяких предисловий и тягомотины со своей стороны она сходу стянула рубаху через голову. Под ней, как ты можешь догадаться, ничего не было. Вот она перед тобой оголялась, Кaleb. Небось, аппетитные формы у нее, сочные, что называется? Тогда мне подумалось, что ее должно сдувать любым порывом ветра, такая она была худющая. Но, тем не менее, признаю, в паху у меня засвербило. А она знай себе не теряет времени даром: стащила с меня штаны и давай там ртом наяривать. Мне оставалось расслабиться и получать удовольствие. Да что там, я на время забыл, зачем вообще эта девушка отдается мне. Ее язык творил чудеса. За этот короткий аперитивчик она заткнула за пояс всех проституток, которых я снимал за свою жизнь. Хм-м, какой-то сомнительный комплимент вышел... Ну, да ладно.

Инициативу я полностью отдал ей. Решил, что она лучше знает, что нужно ей, что нужно мне, что нужно нам. В итоге она «выдоила» меня, проглотила все до последней капли. И знаешь, что? У меня опять стоял. Вот уж действительно умелица. Тогда Беатрис подставила мне свою другую сторону: развернулась на сто восемьдесят, встала на четвереньки и прогнула спину. Ты только не бей меня за такое сравнение, но в этой позе она походила на суку, готовую к случке. Для Беатрис тогда тот процесс не был сексом, как его понимаем ты, я и другие нормальные люди, то есть, как что-то, приятное для обеих сторон. Для нее это было просто спаривание. Я, конечно, был не лучше. Если провести параллель, кабель кабелем. Набросился на нее, как оголтелый, загнал по самое не балуй. А она, оказалось, уже мокрая где надо была, так что все пошло как по маслу. На что еще обратил внимание: любая салунная шлюха, пока ты ее трахаешь, будет охать, ахать и стенать, и, как правило, крайне неубедительно. Эта же, хоть и дергалась под моими толчками, старательно пыталась не издавать лишних звуков. Наверное, индейцы так ее выдрессировали — быть тихой, как мышь. Только сдавленно пискнула, когда я, нехороший человек, решил помять ее болтающиеся груди. Не удержался, так в руки и просились. Думаю, ей и самой понравилось. Но в конечном итоге, увы, она осталась неудовлетворенной, за что мне стыд и позор. А я вскоре опять кончил, спустил все в нее. По крайней мере, так у этого красножопого уroda не было сомнений в том, что Беатрис все исполнила в точности. Мог хоть на язык попробовать, мудило. На том наши игрища и закончились. Пока я раздумывал, как лаконичней всего завершить это ночное randevу, меня заставил подпрыгнуть неожиданный звук. Как думаешь, Кaleb, что это было? Грянул гром? Напали сиу? Я пукнул? Нет. Это пронзительно заурчал желудок Беатрис, к слову, все еще стоящей раком. Мне сразу вспомнились те объедки, что валялись на дне ее ямы. Ими собаку-то едва ли можно было накормить. И я понял, что должен сделать. Усадил ее на лежанку, надел на нее рубаху, потому как ночка была студеной, и ушел, сказав подождать немного. Должен сказать, я немного очковал, ведь собирался самовольно прогуляться через индейский лагерь, а это могло выглядеть подозрительно. И, как назло, по дороге наткнулся на нескольких индейцев, сразу же насторожившихся. Правда, увидев мою дурацкую пантомиму — а я начал показывать пальцем на открытый рот и поглаживать живот, изображая голод — чего-то рассмеялись и ушли, потеряв ко мне всякий интерес. Тоже мне, весельчаки...

В общем, я пришел к ближайшему кострищу, и, о чудо, на вертеле еще оставалось немного оленя. Я отхватил солидный шмат из самого вкусного места, положил на краюху забытой кем-то кукурузной лепешки и пошел назад в свой вигвам. Можешь смеяться, но твой друг-дурак чуть было не заблудился, спасибо врожденному топографическому кретинизму. А еще жуть как хотелось умять это мясо самому, такое оно было сочное, пряное, истекающее жиром... Мм... Нашел-таки свой шалаш. Захожу, а она сидит в той же позе, что я ее оставил. Как кукла, ей-богу. Правда, стоило ей увидеть исполинский бутерброд в моей руке, как глаза алчно заблестели, а желудок опять истошно заурчал. Я уверен, ни ты, ни я никогда не испытывали даже десятой части того голода, что мучил тогда Беатрис. Но... Она как сидела, так и осталась сидеть. Думаю, может, не поняла, что это я ей принес. Присел рядом и говорю, мол, угощайся. А она страдальчески так голову опускает и заявляет, что ей нельзя. «Да не бойся, никто не узнает», настаиваю я. И снова отказ. И вдруг до меня доходит. Она отказывается от еды не потому, что боится, а из-за самого факта запрета. «Приказ есть приказ», иначе говоря. Гребаные изверги... Однако я придумал простое, но эффективное решение проблемы. Можно сказать, нашел лазейку в этом идиотизме. Напустил на лицо глуповатое выражение и говорю: «Тебя прислали всячески угождать мне, правильно? Так вот, у меня просто каменный стояк от вида улетающих за обе щеки барышень. Давай, потешь меня». Видел бы ты, Калев, с каким изумлением она на меня смотрела. А потом засмеялась, очень тихо, хрипло, но так очаровательно и мило, что мне на глаза слезы счастья навернулись. Причин для смеха у нее в последнее время был явный недостаток, это уж точно. Она как будто заново вспоминала, как это делается. Но, что самое главное — моя уловка сработала, вот так вот просто. Потому как, насмеявшись, она с настоящим благоговением приняла от меня еду и с остервенением на нее накинулась. Не ела, а всамделишно жрала, но разве можем мы ее за это винить? Никогда б не подумал, что можно так быстро расправиться с такой кусмярой мяса. Так она еще пальчики облизала, и не только свои. А как поела, так и на человека стала походить.

До меня вдруг дошло, что я до сих пор не узнал ее имени. Возможно, она и привыкла к обращению к себе, как к вещи, и именем давно не пользовалась, но я так дела не делаю. Говорю, мол, я Марти, а тебя как зовут? А она призадумалась на несколько секунд, как будто вспоминая, и отвечает: «Беатрис. Так меня раньше звали». С упором на слово «раньше». М-да... В общем, я хотел еще с ней пообщаться, но меня начало конкретно рубить в сон. Как-никак, стояла уже глубокая ночь. Поэтому я сказал девушке, что «собираюсь спать, но мне будет холодно одному под этим шерстяным пледом...». Просто не мог допустить, чтобы она вернулась в свою холодную мрачную яму. И эта уловка опять сработала: Беатрис забралась ко мне под плед и притиснулась всем телом. Она заснула раньше меня, дав возможность понаблюдать за своим спящим лицом. Ангелочек, думаю, ни дать, ни взять, ангелочек. Ну, порубила в капусту шестерых сиу, ну с кем не бывает. Все равно ангелочек. Было так тепло, так уютно, что вскорости уснул и я. Должен сказать, Калев, так сладко я не спал уже давно.

Утром Беатрис со мной уже не было. Не знаю, когда она ушла. Забегая вперед, скажу, что в тот день мы ее больше не видели. А так хотелось... Кхм... В общем, я, как и полагается, первым делом отлил, а потом помчался к Матиасу, перетереть о «делке». И что б ты думал? Он заявляет: «Выкинь эту дурость из головы, Марти». Я чувствовал себя ребенком, уговаривающим родителей взять домой бездомное животное, ей-богу. Мне пришлось

применить все свое красноречие, чтобы убедить Матиаса в том, что Беатрис нас озолотит. Но так и уломал. После завтрака он сообщил Павлину, что мы согласны на сделку, и попросил пару-тройку месяцев на то, чтобы добыть ружья. На том и порешили. Справедливости ради отмечу, что именно Матиас придумал, где нам достать такой внушительный арсенал. Лишь только индейцы, провожавшие нас, повернули назад, он поведал нам свою идею. Оказалось, у него был какой-то знакомый, с которым он еще на гражданке в окопах сидел. И этот знакомый все еще состоял в армии, причем в неплохом звании. Матиас был уверен, что этот вояка сможет продать нам сколько угодно оружия, снятого с вооружения и только захламляющего склады. И он оказался абсолютно прав. Пришлось, конечно, доплатить немного сверху, чтобы «остудить любопытство» служивого, но нам досталась заветная сотня винтовок Спенсера с парой ящиков патронов, очень даже незадорого. Они были несмазанными, ржавыми, все время клинили. Я себе от нервов все ногти изгрыз, раздумывая, а не пошлют ли нас красножопые дельцы нахрен с такими ушатанными ружьишками. А если патроны, которые были едва ли не старше меня, еще по пути отсыреют, думаю, вообще жопа будет.

Но удача благоволила нам. Уложившись в заявленные два месяца, мы притарабанили телегу с оружием, благо разумно объехав Форт-Коллинс десятой дорогой. Индейцы, наверное, до последнего не верили, что сделка и правда состоится. Если б ты видел, с каким восторгом они разглядывали и испытывали эту грудку металлолома, то всенепременно бы оборжался. Впрочем, полными идиотами они не были, потому как проверили каждую — каждую, Калев, из гребаной сотни! — винтовку. Но в итоге остались более чем довольны. Знаешь, лагерчане даже как-то с уважением на нас стали смотреть, мол, гляньте-ка, честные бледнолицые попались. Итак, мы свой товар показали, настал их черед. Привели Беатрис. Она снова выглядела, как при первой встрече, или даже хуже. Опять тот же мешок в качестве одежды, грязные слипшиеся волосы, веревка на шее, плюс еще прихрамывающая нога, фингал под глазом и разбитая губа. По ее ошалелому взгляду можно было догадаться, что она не понимает, что вообще происходит, но собравшаяся толпа ее пугала. Одному Богу известно, с чем у нее ассоциировались такие столпотворения. В общем, дальше было что-то вроде передачи имущества. Павлин объяснял стоящей на коленях Беатрис, что теперь Матиас — ее новый хозяин, ее тело и разум принадлежат ему и прочая церемониальная херня в том же духе. У меня, если честно, вся эта сцена вызывала омерзение. После пламенной речи индейца свободный конец веревки переключался в руку Матиаса. Это его малость сконфузило. Еще бы, не каждый день тебе дают подержать на поводке живого человека. Не хочу хвастаться, но я не стал ждать, пока он родит достойную мысль. Сам подошел к Беатрис, без всякого труда взял ее на руки и унес из того жуткого места. Телега, в которой мы привезли ружья, пришлась очень кстати: первое время бедняжка была не в состоянии сидеть в седле и отлеживалась в повозке.

Процесс, за неимением лучшего слова, «адаптации» Беатрис занял некоторое время. Первые слова Матиаса к ней — а он, я напомним, был для нее «хозяином» — были: «Ну, здравствуй, девочка. Добро пожаловать в нашу дружную компанию. Как звать-то тебя?». Да, можешь себе представить, в какой ступор ее вводило подобное обращение. В итоге все перезнакомились, а меня она даже вспомнила по той ночи и поблагодарила за доброту. Словами, Калев, словами. Она заново училась общаться с людьми, быть частью общества, привыкала к своим правам свободного человека, которые у нее отняли. С большим удовольствием я наблюдал, как

пропадает робость и смирение, вытесняемые энергичностью и жизнерадостностью.

Откормили мы ее очень быстро, и наша, хе-хе, «девочка» поправилась во всех нужных местах. Раны на ней заживали как на собаке — блин, в который раз сравниваю ее с собакой? — однако остался жуткий шрам на шее, который она научилась умело прятать. В общем, не прошло и пары месяцев, и Беатрис из пришибленной костлявой замарашки превратилась, аки гадкий утенок в прекрасного лебедя, в ту женщину, которой она является сейчас. Включая душегубские наклонности, ну да неважно. В наш «сосисочный» коллектив она вписалась на удивление хорошо, и не в качестве давалки, а полноценного члена банды, камрада, если хочешь. Нет, ну, конечно, она стала любовницей Матиаса, является ею и сейчас, но для остальных она почти как сестра.

Хоть старик и не злоупотребляет своей властью над ней, Беатрис по-настоящему ему предана. Как-то раз в одном салуне Матиасу крупно проигрался в покер один парень. Уж не знаю, жульничал ли тот или нет, но парень крепко обиделся. Мы остались там с ночевкой, поэтому ночью горе-игрок по пьяни решил пробраться в комнату к Матиасу и порешить его. Шейный платок, который он носил, оказался очень кстати: Беатрис им же его и удавила. Да, иногда ее сон может быть невероятно чутким, как у кошки. В награду за такую бдительность старик отсыпал денег и отправил ее, и меня за компанию, в Нью-Йорк, «приодеться». Там, в невероятно дорогом ателье, руководствуясь пожеланиями Беатрис, портные и изготовили то самое бархатное платье. Добротная получилась одежина: до сих пор не потеряла ни цвета, ни мягкости, ни разу не рвалась. А довольная модница прямо-таки светилась от счастья.

Как мы, да и наверняка ты, убедились, Беатрис — не только искусная убийца, но и прирожденная актриса и талантливый манипулятор. Еще и крайне мозговитая, до кучи. Конечно, в наших вооруженных налетах на поезда, дилижансы, банки она была весомым подспорьем. Но куда эффективнее было отпускать ее, что называется, на вольные хлеба. Во-первых, она собирала информацию, так как могла попадать в те места, в которых наши рожи быстро бы узнали. Например, о том, где можно было срубить куш побольше, о том, где законники неистовствовали особо рьяно, и куда не следовало соваться. Во-вторых, она любила набиваться в любовницы каким-нибудь аристократам и магнатам, после чего шантажом выжимать из опасующихся гнева жен малодушных буржуев баснословные суммы. Пару раз даже было такое: на каком-нибудь аукционе какой-нибудь ценитель покупал какую-нибудь исключительно ценную хрень, а какой-нибудь другой недовольный ценитель щедро платил Беатрис за то, что она, утомив в постели ценителя #1, просто крала эту хрень и передавала ценителю #2. Короче говоря, она приносила нам столько денег, что затраты на ту сотню ружей казались смехотворными копейками. И каждое ее возвращение из подобных командировок было подобно празднику.

Но где-то месяц назад она вернулась очень обеспокоенной. Как выяснилось, ей стало известно, что тебе грозит опасность, что тебя хочет прикончить какая-то Джейн МакЭвой, или как там ее, да и на меня зуб имеет. Вроде как мы с тобой ей в прошлом сильно подосрали. И Беатрис начала просить Матиаса, чтоб тот отправил ее тебе на выручку. Никто не сомневался в том, что ей по силам вытащить тебя из тюрьмы, вот только не совсем понятно было, откуда она вообще тебя знает и почему так хочет помочь. Наверное, мне не следовало бы этого говорить, но старику не шибко-то хотелось отсылать свою только лишь вернувшуюся «девочку» на помощь какому-то Калебу Страбу. Поэтому ей пришлось очень постараться, чтобы уговорить его, если ты понимаешь, о чем я. Но таки уговорила и умчалась в тот же

день, не прося никакого содействия с нашей стороны. Чем она занималась с тех пор, какие приготовления делала, где, в конце концов, деньги достала — мы вообще не в курсах. Только условились, что мы будем ждать вас здесь, у этой шахты. Ну, а дальше ты уже и сам все знаешь.

— Да, знаю, — согласился Калев голосом, хриплым от долгого молчания. И от переполнявших его чувств.

— Вот такая вот история вышла. Хотя рассказчик из меня, наверное, вышел неважнецкий, — подводил итоги Марти, растягивая слова и время от времени икая: бутылка в его руке почти опустела. — Но главное ты понял: Беатрис — удивительнейший человек. Стоп. Не так.

Главное — это причина, по которой она с Матиасом. Ее ты тоже понял. Ты ведь понял?

— Конечно. Как же иначе? О таком доходчивом объяснении можно только мечтать. — Его фальшивая улыбка пьяным другом была воспринята как лучшее доказательство понимания.

— Вот и прекрасно. Смотри, не натвори глупостей. Ох, ты же е-мое, который час-то? Засиделись мы, однако. Пора... баиньки.

Марти попытался встать и тут же плюхнулся обратно, потому как штормило его немилосердно. Недовольно бормоча, он уже готов был добираться до лежбища ползком, но Калев поспешил помочь и отбуксировал приятеля в первый же незанятый шалаш. Там тот повалился, как охапка дров, и умиротворенно захрапел.

А Калев вернулся к тлеющему кострищу, к бутылке, к которой за весь рассказ ни разу не приложился. Поболтал ее, рассматривая желтоватую жидкость при свете углей, после чего медленно вылил ее на землю. Он был трезв, как никогда в жизни. Прозвучавшая история вымыла те крохи алкоголя, что за пирушкой попали в его кровь. Беатрис... Калев рассчитывал, что, узнав о ее прошлом, об обстоятельствах, при которых она попала в банду, он найдет покой или как минимум силы для смирения. Но то, что он услышал, только подлило масла в огонь, заставило сфокусировать все мысли только на ней. Как мог человек, пройдя через такие ужасные испытания, полные страданий и лишений, сохранить рассудок и вновь радоваться жизни? «Нет. Все не так радужно. Она сломалась. И теперь эта психологическая травма вынуждает ее подчиняться кому попало». Сначала команчам, изуродовавшим ее тело и душу, теперь Гиллу. Марти сказал, что старик не злоупотребляет своей властью над ней. Вздор! Использовать ее, как гусыню, несущую золотые яйца, и наложницу — не это ли злоупотребление? Беатрис ему по-настоящему предана? Но Калев видел, с какой тоской она входила вечером в ту теснину. Да, он был уверен: не было у нее никакой привязанности к старику. Все это самообман, иллюзия. Оставалось только ее развеять. Пробудить Беатрис от этого горячечного бреда. Она спасла его. Теперь он вернет должок.

Калев сидел у тлеющего кострища и смотрел на алеющие угли воспаленными глазами, расчерченными сеткой капилляров. О сне не могло быть и речи. Мозг лихорадочно работал, как раскопчегаренный паровоз. Ломило в висках. На что он готов был пойти ради Беатрис, ради ее счастья? «Абсолютно на все. Без исключений». В самом деле? Даже совершить поступок, за который она его может возненавидеть? Может не простить? «Ну, и пусть. Если после этого она перестанет быть девочкой на побегушках, пускай хоть шкуру с меня сдерут. Она заслуживает лучшей жизни». Он сидел и сидел, и думал, и смотрел на алеющие угли воспаленными глазами, а на востоке, пробиваясь сквозь затягивающие небо гроззовые тучи,

занимался рассвет.

Из медитативного созерцания Калеба вывел какой-то звук. Он поднял голову, скривившись в равной степени от ощущений в затекшей шее и от того, что увидел. Источником звука оказался Матиас Гилл, вышедший из домика. Старик был в одних кальсонах и рубашке, очевидно, только из кровати. Сон отпустил его только частично, потому как он, зевнув и почесав зад, шатко направился в сторону нужника, совершенно не замечая сидящего у кострища мужчину. А Калев смотрел ему вслед, и в нем вскипала злоба, а вместе с ней крепла решимость. «Ненавижу этого ублюдка. Без него всем будет только лучше. Да, лучше...». С этими мрачными мыслями он встал и на негнущихся ногах двинул туда, откуда доносилось звонкое журчание и старческое причмокивание. В поваленной набок ржавой вагонетке, встреченной на пути, валялось большое шахтерское кайло. Калев взял его в обе руки, сделал пару взмахов, оценивая вес, и остался доволен, после чего пошел дальше. Он ступал беззвучно, подобно привидению, да и выглядел соответствующе. Вот и туалет, с дверью нараспашку. Матиас как раз закончил мочиться и повернулся к выходу. Завидев перед собой человека, он от неожиданности испуганно отпрянул, но уже в следующую секунду разобрался, кто перед ним.

— А, Калев, это ты. Не подкрадывайся так. Чего не спишь в такую рань? Тоже пописать приперло? — спросил старик и хохотнул до омерзения наигранно и фальшиво.

— Нет, но тебя приперло очень даже кстати.

Что-то в его голосе заставило Матиаса посерьезнеть, а также, протерев все еще заспанные глаза, заметить в руках у мужчины грозный инструмент.

— А кирка тебе еще зачем?

— Она должна отлично проламывать черепа, — буднично пояснил Калев и, не дав собеседнику опомниться, поспешил проверить свое предположение.

Орудие, с легкостью раскалывающее горную породу, как и следовало ожидать, не встретило никакого сопротивления. В глазах Матиаса возникло и навечно замерло глупое изумление. Он даже не успел издать ни единого агонизирующего звука. Его обмякшее тело произвольно сделало шаг назад и уселось на толчок, склонив голову с так и оставшейся торчать в ней киркой. Со стороны выглядело, будто он просто решил испражниться, вот только инородный предмет во лбу смотрелся неуместно. Ворот рубахи окрасился в багрянец. Застучали первые капли дождя.

Неожиданно для самого себя, Калев почувствовал безграничную безмятежность и умиротворение. Не было сожалений, не было и гадкого удовлетворения, не было ликования. Только всепоглощающее спокойствие человека, разрешившего все свои невзгоды и тревоги и вошедшего в гармонию с самим собой. Эйфория, словно вызванная лошадиной дозой седативного. Его не волновало, что будет дальше, ни с ним, ни с бандой, ни со всем миром. Беатрис теперь свободна, а все остальное неважно. Поэтому, сунув руки в карманы и мутыкая себе под нос какой-то бодрый мотивчик, Калев развернулся и ушел, оставив Матиаса Гилла наедине с вечностью.

Он вернулся к своему месту у окончательно истлевшего костра, шипящего от капающей с неба воды. Кроме него, все еще спали. Когда они проснутся, их будет ожидать неприятный сюрприз, а Калеба будет ожидать расправа. Но он даже не помышлял о бегстве. Идти ему все равно было некуда. И незачем. Поэтому он просто убивал время сигаретами и уцелевшей бутылкой виски, сидя под проливным дождем, промокший до нитки. Прошло чуть больше

часа. Алкоголь вкупе с усталостью после бессонной ночи постепенно сморили Калеба. Отяжелевшие веки смежились, и его окутала приятная полудрема. «Эх, сейчас бы в кровать, с Беатрис под боком...». До его увлекаемого в царство Морфея сознания начали вдруг доноситься крики, ругань, топотение многочисленных ног. Мужчина как раз успел открыть глаза, чтобы увидеть стремительно подлетающего к нему камрада, сходу прописавшего ему смачную зуботычину. Удар совпал с первым раскатом грома. Сонливость, вот уж каламбур, как рукой сняло.

— Крыса поганая! Получай!

Пока Калев, стоя на трясущихся руках и ногах на четвереньках, собирался с силами, чтобы встать, чувствительный пинок по ребрам опрокинул его на бок и заставил согнуться в три погибели. А к месту склоки подтягивались остальные члены банды. Обезглавленной банды.

— Эй, мужики, потише! Вы его сейчас убьете! — послышался встревоженный голос Марти.

— Да туда ему и дорога, паскуде гребаной!

Следующий удар пришелся по копчику, выгибая Калеба в обратную сторону. А дальше его принялись колотить без разбору, со всех сторон, руками и ногами, выколачивая брызги воды. Если бы не опьянение, боль от лупцовки наверняка была бы чрезмерной. Но даже так, свернувшись в позу эмбриона, отчаянно пытаясь защитить лицо, он был на грани отключки. После такого его тело должно превратиться в один сплошной синяк. «Забавно. Я думаю о синяках, словно это наибольшая моя проблема». Эта дурацкая мысль его действительно позабавила, да так, что он, несмотря на боль, скривил расквашенные губы в усмешке.

— Вы гляньте! Он еще ухмыляется! Вот урод!

К удивлению Калеба, удары прекратились. Но лишь затем, чтобы кто-то (он не мог разобрать, кто, в равной степени из-за крови, застилающей глаза, и принятому на грудь виски) сгреб его за грудки и поставил на колени. Приходилось его так и держать, по той причине, что без этого избиваемый просто начинал падать.

— Какого хрена, Страуб?! Какого хрена, скажи мне, ты это сделал? И это твоя гребаная благодарность за то, что Матиас вытащил твою сучью рожу из тюрьмы? А?

Калев молчал. Сказать ему было ровным счетом нечего, да и с дикцией были сейчас определенные проблемы. Вместо этого он сплюнул на землю кровавый сгусток с белеющим в нем осколком зуба.

— Вали его уже! Что с ним трепаться?

— Погодите, мужики! Давайте не будем горячиться!

— Заткнись, Марти! Он сам это заслужил, и не отрицает этого. Да, Страуб? Может, все-таки что-нибудь скажешь напоследок? — Бандит, державший Калеба, достал револьвер.

«Пожалуй, есть кое-что... Единственное, что приходит в голову».

— Беа... триш...

— Чего? Что ты там мямлишь?

— Беатриш... Пожобите Беатриш... — уже громче повторил Калев, еле ворочая распухшим языком и силясь не потерять сознание.

Вокруг неодобрительно зароптали.

— Позвать Беатрис? Да ты хоть представляешь себе, что она с тобой сделает? Хотя, почему бы и нет? А, вон и она сама бежит, легка на помине.

Калев поднял взгляд и посмотрел туда же, куда и остальные. От деревянного домика и в самом деле неслась, шлепая по лужам, упомянутая женщина. Заспанная, распатланная, в

одной нательной сорочке и босиком. Вся косметика была смыта, но от этого ее красота нисколечко не проигрывала. Только безобразный шрам на шее, не скрытый бархоткой, по-прежнему заставлял невольно ежиться. В руке Беатрис держала гребень. Пока еще это был только гребень. Однако по тому, что лицо ее, выхватываемое вспышками молний, было мрачнее тучи, можно было ожидать худшего.

«Беатрис... Моя Беатрис... Надеюсь, ты когда-нибудь сможешь понять меня. Сможешь простить. Надеюсь, ты будешь счастлива».

И после этих мыслей, словно одно лишь желание ее увидеть держало его на плаву, Калев безжизненно повис в руках своего бывшего брата по оружию.

Его разбудила мелодия.

Калев Страуб, к своему величайшему изумлению, осознал, что все еще жив. Его легкие, пусть и с некоторым дискомфортом, втягивают тяжелый грозовой воздух. Его саднящая кожа все еще ощущает теплые капли дождя. Его уши все еще слышат далекий рокот грома и куда более близкую волшебную музыку. А его нос, помимо запаха озона, улавливает такой знакомый аромат туберозы и сандала.

Калев слегка приоткрыл глаза. Тотчас его сердце на порядок ускорило свой бег. Калев. Но, к сожалению, не все в этом мире складывается согласно нашим желаниям и намерениям.

Некоторые события происходят без твоего участия, после чего просто ставят тебя перед фактом. Ты можешь негодовать, плевать и истерить, но изменить, как правило, не в силах ничего. С какими бы высоконравственными намерениями ты ни убивал мистера Гилла, ты просто занял его место, нравится тебе это или нет. Я вижу упрямство на твоём лице? Хорошо. Я думаю, есть один способ изменить ситуацию, и я больше не буду ничьей. Интересно?

— Разумеется! Все, что угодно! — воодушевился Калев.

Беатрис косо улыбнулась. Судя по всему, именно такого ответа она и ожидала. После чего вдруг извлекла из сумочки свой Кольт. Убедилась в том, что он заряжен, вложила его в руку напрягшемуся Калебу, и приставила дуло к своему лбу.

— Вот так. Теперь большой пальчик на курок. Взвели. Указательный вот сюда, на спусковой крючок. И мееедленно нажимаем...

— Больная, что ли?! — завопил Калев и стремительно отвел руку подальше, пока еще мозги любимой им женщины были там, где им и надлежало быть. — Эта хрень ведь могла и выстрелить!

— Во-первых, попрошу не называть сие произведение оружейного искусства «хренью». А во-вторых, это единственный способ... «освободить» меня. Но, как вижу, он тебя тоже не устраивает. Ничего не поделаешь. Смирись со своей ролью, бедняга. — И она «сочувственно» похлопала его по плечу.

«Она не шутит. Все серьезно. Гораздо серьезнее, чем я думал. Дьявол, готова была убить себя! Похоже, у меня и в самом деле нет выхода. Придется подыграть ей. «Хозяин»... Какое же мерзкое словечко». Ну, ничто ведь не мешало ему просто относиться к ней, как и раньше. Ничто не мешало ему — лично ему — считать их просто любовниками. Пусть воображает себе, что хочет. Они будут вместе странствовать, веселиться, грабить, заниматься любовью.

Большого ему и не надо. А эта власть, которую она пытается всучить, полный контроль над ней, возможность приказать выполнить любую прихоть... Ему это не нужно.

— Умеешь ты убеждать, — усмехнулся Калев и потрепал свою женщину по волосам, чем

заставил ее довольно зажмуриться, на манер кошки. — Ладно. Давайте собираться. Нам пора. — Сейчас? — удивилась Беатрис, глядя на небо. — Но через несколько часов стемнеет. Не лучше ли заночевать здесь и отправиться с утра?

— Нет. Не хочу находиться в этом месте ни минутой дольше необходимого.

— Беатрис?

— Да, хозяин?

— Ты меня что, специально дразнишь? Я хочу слышать свое имя. Так вот... Я вдруг сообразил, что до сих пор не знаю твоей фамилии. Хочу восполнить этот пробел.

— Моя фамилия... Я ею не пользуюсь. Не люблю ее. Очень. Пожалуйста, не проси меня ее называть.

— А ну-ка колись давай, а не то сейчас отшлепаю! Э-э... Бе... Беатрис? Что ты... делаешь? Эй! Эй-эй-эй! Перестань! Оденься обратно! Я пошутил. Пошутил, говорю.

— Что? Даже разок не шлепнешь? А еще говоришь, что я тебя драз... Ах!

Ладонь мужчины оставила на ее голой ягодице красный отпечаток. После ночной прохлады удар показался прямо-таки обжигающим. Беатрис приглушила стон удовольствия, закусив губу. Закрыв глаза, она с нетерпением ждала продолжения. Но продолжения не было. По всей видимости, этот шлепок был сделан просто для остротки. Разочарованно вздохнув, она натянула панталончики и оправила юбки.

— Ишь че учудила! Думал, что использую кнут, а он оказался пряником.

— Я хочу, чтобы ты взял меня. Грубо.

— А я хочу, чтобы ты назвала свою фамилию. Как насчет равноценного обмена?

— Дюамель дю Монсо. Меня зовут Беатрис Дюамель дю Монсо.

— Хорошая девочка.

И он взял ее. Прямо посреди пустыни, на крыше дилижанса, где они лежали и смотрели на усеянное мириадами звезд ночное небо. Под светом полной луны, ярко освещавшей погруженную в сон пустошь. Его тело все еще ныло после трепки, но он брал ее грубо и жестко, как она сама просила. Он брал ее сзади, впервые, так как считал эту позу уничижительной, но сейчас она сама того хотела. Он держал ее руки сцепленными за спиной, и она, не имея иной опоры, вжималась щекой в гладкую дубовую обшивку. Он остервенело хлестал ее по ягодицам, да так, что ладонь отнималась, а она с радостью принимала каждый новый удар и лишь сильнее подавалась ему навстречу. Он истово любил эту женщину, и оттого испытывал двоякие чувства, причиняя ей жгучую боль и видя ее заплаканное, но счастливое лицо. Чем дальше это заходило, тем сильнее он убеждался, что от него она стерпит любое истязание, но все равно боялся потерять контроль над собой и перегнуть палку.

Тяжелое дыхание, шлепки, всхлипы, стоны и прочие характерные звуки, издаваемые совокупающейся парой, были единственными на мили вокруг, нарушающими ночную тишину. А сидящий в каком-то десятке метров от них на шершавом валуне Дэмиен смотрел на висящий в небе серебристый диск своими темными немигающими глазами и с жадностью и упоением вдыхал запах сладкого человеческого греха...

— Итак, Беатрис Дюамель дю Монсо... Думаю, пришло уже время поговорить начистоту, — нарушил Калев блаженную тишину, в которой они, удовлетворенные, лежали, притулившись друг к другу, стремясь как можно дольше хранить добытое их телами тепло. — Как бы

цинично это не звучало с моей стороны, мне грех жаловаться на то, как обернулась вся эта ситуация. Но кое-что ты от меня до сих пор утаиваешь. Догадываешься, о чем я?

Беатрис подняла голову, до этого покоившуюся на груди мужчины, и устремила на него полный бесноватых искорок взгляд.

— Ах, ты ж мой «пинки»! Все-то ты замечаешь, все-то ты подмечаешь! — в своей привычной насмешливой манере завела она. Но как-то сразу бросила скоморошничать: сказывалась усталость. — Надо полагать, ты о причине, по которой я спасла тебя из Сан-Прадера.

— В точку. До рассказа Марти я думал, что это была инициатива Гилла. А оказалось — твоя собственная. При том, что мы даже не были знакомы. Неспроста это все. Я не буду спрашивать, откуда ты меня знаешь, так как знаешь ты, судя по всему, очень многое. Спрошу главное: зачем я тебе понадобился?

— Я могла бы, конечно, сказать, что увидела твое лицо на одном из старых плакатов и влюбилась с первого взгляда. Но ты одарил меня своим доверием, посему я буду откровенна. Хоть и убеждена, что услышанное вряд ли тебе придется по нраву, — томно вздохнула Беатрис, подкручивая мужчине усы на щегольской манер.

— Постараюсь не сильно бушевать.

— Ты нужен был мне в качестве приманки.

— Мило. Кого ловим?

— Джейн МакЭвой.

Калев моментально посерьезнел. От напускной шутливости не осталось и следа.

— Это не та ли Джейн МакЭвой, которая спит и видит, как убивает меня?

— Она самая. Прошу, выслушай меня и не перебивай. Как я говорила ранее, Крошка Джейни прекрасно всех вас запомнила после той роковой встречи семь лет назад. Скажу более: она одержима мстью. От твоей старой банды практически ничего не осталось, и каждый из твоих бывших друзей пал от ее руки. Она не остановится, пока возмездие не достигнет всех вас. И она практически добралась до тебя в Сан-Прадера. Я еле успела вытащить тебя. По моей задумке, мы должны были вернуться к мистеру Гиллу и остальным, а Крошка Джейни рано или поздно нашла бы тебя и там. И угодила бы прямо мне в руки. Но со мной случился непредвиденный казус. Я... Я поняла, что меня безумно влечет к тебе, Калев. И совершенно растерялась, абсолютно не знала, что мне делать. Пока ты... не сделал то, что сделал. Теперь все стало даже легче.

— погоди. Если тебе изначально нужна была она, а не я, почему ты не выискала сразу ее? К чему эта многоходовка?

От ответа Беатрис его прошиб холодный пот.

— Я опасаюсь ее.

«А я-то думал, она не боится ни Дьявола, ни Бога. А тут, походу, что-то на порядок худшее...». Калев прижал женщину к себе еще крепче, словно Джейн МакЭвой могла сейчас внезапно выскочить прямо из-под дилижанса, как подкроватный монстр.

— Но ты не волнуйся, — поспешила успокоить его Беатрис. — Крошка Джейни, конечно, дикая штучка, но у нее есть один существенный недостаток. Когда она нападает на след одного из вас, она перестает замечать все остальное. Жажда мести застилает ей взор. И в такие моменты она наиболее уязвима. А ты стоишь в самом верху ее списка. Именно поэтому я выбрала тебя, а не Марти. Когда она придет за тобой, ее будет поджидать неприятный сюрприз. Теперь можно мне поспать? Я очень устала.

— Последний вопрос. На кой тебе сдалась эта МакЭвой?

— Мечта у меня такая, — сквозь зевок пробормотала она. — Заполучить Джейн МакЭвой. И посадить ее на цепь.